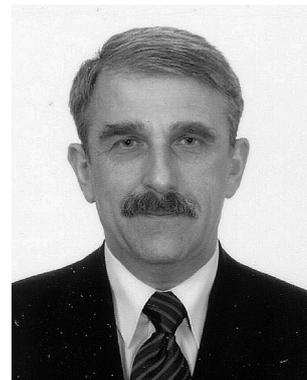

Венчание на царство. Деталь царского места в Успенском соборе Московского кремля. 1475–1479

УДК 94:321

Сигалов К.Е.

Генезис социально-властных институтов в России в допетровскую эпоху

Сигалов Константин Елизарович, доктор юридических наук, доцент, директор Центра правового регулирования финансово-экономических отношений Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

E-mail: sigalovconst@mail.ru

Власть является одним из важнейших феноменов человеческого бытия. Без отношений власть-подчинение становятся невозможными основы существования внутри любого сообщества. Власть – это возможность и способность навязать свою волю, воздействовать на деятельность и поведение других людей, даже вопреки их сопротивлению. Суть власти не зависит от того, на чём основана такая возможность, она объективно возникает в любых сообществах. Российская власть как особый социокультурный феномен отвечала и общемировому тренду, и имела свою большую специфику. Власть в обществе всегда основана на иерархии во взаимоотношениях людей. Для России это было обусловлено наличием военной силы в руках правителя в мирное время. Это позволяло доминировать над обществом, присваивать материальные блага вне зависимости от эффективности управления государством или результативности ведения войны.

Ключевые слова: власть, собственность, князья, лествичное право, государство, вождество, деспотизм, сакрализация, династия, феодальная раздробленность, удельно-вотчинная система, боярская дума, геополитическая ситуация, земские соборы, царь, местничество, государственное строительство.

Каждое общество имеет в своём становлении собственную специфику, что обусловлено пройденным им историческим путём и национальной ментальностью. Характер цивилизации определяется задачами, стоящими перед каждым социумом. Почему та или иная цивилизация обладает именно ей присущим набором характерных черт и признаков обусловлено кодом ее исторического развития, наличием в ней ведущей общественно-производственной технологии, типом деятельной ментальности цивилизации, господствующей формой собственности, логикой исторического бытия.

Организация власти и структура властных отношений в России изначально обладала своей неповторимой

спецификой. Ключ к пониманию существа феномена российской власти лежит в уникальных событиях российской истории, специфике русских институтов собственности, неповторимом пути, пройденном российским обществом. Русские Древности и Средневековье изучены неполно, односторонне, тенденциозно, а, главное, идеологизировано. Тем не менее, многие правовые и государственные институты, сформировавшиеся в Древности и Средневековье и претерпев различные исторические метаморфозы, продолжали существовать вплоть до начала XX в., пройдя «красной нитью» сквозь всю историю страны. Именно в силу мощного идеологизированного посыла в Древности и Средневековье впервые были сформированы геополитические, правовые, этические и религиозные идеи, объясняющие и оправдывающие власть как таковую и носителей этой власти. Естественно и то, что на всех этапах их развития шла напряжённая интеллектуальная работа по осмыслению существа происходящих процессов, сопоставления с западными и восточными аналогами и возможностей их модификации.

Архитектоника государственной власти на Руси была обусловлена складывающимися социально-экономическими отношениями и господствующей формой собственности. Формирование русской цивилизации происходило в уникальных условиях. Это была периферия европейского мира, линия его соприкосновения с «реальным варварством». Становление права и государственности на Руси действительно принципиальным образом отличалось от Запада, что обусловлено целым комплексом природно-климатических, технологических, религиозных, геополитических, социальных, духовно-идеологических, т.е. цивилизационных факторов. Русь в эпоху формирования государственности занимала территории, природно-климатические условия которых в значительной мере проигрывали западноевропейским: континентальный климат с резкими перепадами температур, огромные расстояния, незначительное число земель, пригодных для земледелия. В тяжёлых климатических условиях господствовала экстенсивная производственная технология в сельском хозяйстве, слабое разделение труда, недостаточный уровень ремесленного производства. Русский человек был вынужден обращаться к коллективистским формам хозяйствования, этот коллективизм стал на века главной русской национальной чертой в отличие от человека западного, склонного к индивидуализму. «Тяжёлые природно-климатические условия заставляли российского крестьянина в течение долгих столетий дорожить общиной как нормой социальной организации. Сам тип русской ментальности на протяжении весьма длительного периода истории отличался явным приматом «общественного» над «частным». Эта способность признавать «общее» более важным, чем «частное» (огню не отвергая последнее) имела громадное значение в многострадальной истории русского народа... Наряду с такими производными качествами как доброта, отзывчивость, готовность к самопожертвованию, долготерпение, трудолюбие, отчаянная храбрость и коллективизм, она на протяжении столетий составляла главную особенность русского менталитета и главную черту национального характера»¹.

Русь, как все страны и регионы мира пережила определённые этапы формирования государственности. «До возникновения государственной организации общества человечество прошло длительный период развития, первобытным строем. Первобытная формация выступала как исторически единая, целостная и содержащая в «свёрнутом» виде важнейшие черты развития общества»². В дальнейшем, в зависимости от конкретной ситуации и жизненных условий формирование цивилизации происходило разными темпами, и различные этапы развития общества в разных регионах занимали различные отрезки истории. Из общинного строя исходит и структура публичной власти в Древней, а затем и Средневековой Руси. Её тремя элементами были князь, боярская дума и вече. Они существовали не просто в единстве, но и само их существование было генетически взаимообусловлено. Все эти три элемента, так или иначе, «вырастают» из двух центров власти, сложившихся при родоплеменных отношениях. Один центр власти – это народное собрание и совет старейшин, другой центр – вождь и его дружина. Период так называемой «военной демократии»³ не предусматривал, строго говоря, демократии как таковой, просто верхушка некоторое время вынуждена была считаться с мнением рядовых членов племени, но характер этих отношений неуклонно меняется. «Учёт» мнения рядовых общинников – это была, скорее, дань традиции или некая сакральная обрядовость, но никак не реальность. «Вожди и старейшины, представляющие богатые патриархальные семьи и опирающиеся на вооружённую дружину, фактически решали все дела. Народное собрание, как правило, выслушивало их решения. В результате органы общественной власти всё более отрываются от народа и превращаются в органы государства»⁴. Тем самым властные элиты решали, по меньшей мере, три задачи: снимали социальное напряжение видимостью участия народа в государственных делах, переносили на него часть ответственности за принятое решение, легитимировали своё решение и свою роль как проводника данного решения.

Князья произошли из вождей, но сам процесс формирования института княжеской власти не был одномоментным. И.Я. Фроянов справедливо замечает, что он являлся феноменом добровольной передачи прав и вместе с тем обязанностей, обусловленной постоянно усложняющейся социально-политической организацией общества и внешнеполитической ситуацией»⁵.

Ряд фактов древней и средневековой истории свидетельствуют о том, что на Руси весьма длительное время продолжали оставаться пережитки вождества⁶ как особой социально-политической организации власти, характер-

¹ Милов Л. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1. С. 86–87.

² Государственная власть: теоретико-методологические и правокультурные аспекты. М.: Юрлитинформ. 2012. С. 191.

³ Не самый удачный, на наш взгляд, термин, введённый в научный оборот Льюисом Морганом в своём труде «Древнее общество» для обозначения организации власти на стадии перехода от первобытнообщинного строя к госуларству.

⁴ Любашин В.Я. Эволюция государства как института политической системы. Ростов-н-Д: Издательство СКНЦ ВШ, 2004. С. 67.

⁵ Фроянов И.Ф. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1980. С. 18.

⁶ Вождество – это один из уровней социокультурной интеграции, который характеризуется наличием надлокальной централизации; в вождестве существует иерархическая система принятия решения и институты контроля, но отсутствует узаконенная власть, имеющая монополию на применение силы; существует четкая социальная стратификация, ограниченный доступ к ключевым ресурсам, имеется тенденция к отделению эндогамной элиты от простых масс и превращение ее в замкнутое сословие; важную роль в экономике играет редистрибуция – перераспределение прибавочного продукта по вертикали; как этнокультурная целостность оно характеризуется общей идеологической системой и/или общими культурами и ритуалами; правитель вождества имеет ограниченные полномочия, а чифдом в целом является структурой, неспособной

ной практически для всего мира. Для Руси вплоть до X–XI вв. было характерно деление, основанное на родоплеменном принципе, отголоски этого деления сохранялись достаточно долго. Полянская земля выступила в качестве ядра Древнерусского государства, а Киев стал обладать особым привилегированным статусом. С другими «племенными княжествами» были выстроены договорные отношения данничества¹. При этом в орбиту образования государства вовлеклись не только славянские (вятичи, кривичи, радимичи, уличи, древляне и др.) но и финно-угорские племена (меря, весь, мурома).

Вожди некогда были просто умелыми и удачливыми воинами и охотниками, обладавшими ещё и организационными способностями. Их власть была исключительно выборной, и принадлежала конкретному человеку до тех пор, пока он был способен исполнять функции вождя. Со временем произошла институционализация и деперсонализация власти вождя. Вероятно, всё же варяги не были первыми русскими князьями; в землях восточных славян институты княжеской власти существовали до их появления, более того, не только государственной строй существовал как таковой, но уже вполне было сформированное государственное мышление, представление о существовании институтов власти, их аксиологическая оценка.

Дружина у князя – это характер отношений, основанный на принципе своеобразной меритократии, это отрицание отживших родовых отношений, установление отношений партнёрских. Дружина «набирается и строится не по родовому принципу, а по принципу личной верности... дружина находится вне общинной структуры общества: она оторвана от неё социально ... и территориально (в силу обособленного проживания дружинников)².

Институт княжеской власти не был персонифицирован, не связывался с конкретной личностью, а принадлежал целому роду, с которым происходила первичная идентификация личности. Наследственный способ передачи власти в рамках определенного рода, а точнее, родовое право на верховную власть, является наиболее древней и архаичной практикой преемственности власти практически у всех древних народов, в том числе и у древних славян³.

Поскольку у вождя накапливались богатства, он не был заинтересован в передаче власти чужим людям. Силовые возможности (как свои собственные, так и ближайшего окружения – дружины) сделали власть вождя-князя наследственной. Из вчерашнего выборного вождя вырастает субъект сакрализованной власти. Протогосударство как некая надобщинная структура, возглавляемая вождём ещё не обладала характеристиками сложившегося государства. Это была «политическая структура, основанная на нормах генеалогического родства, знакомая с социальным и имущественным неравенством, разделением труда и обменом деятельностью, возглавляемая сакрализованным правителем с наследственной властью»⁴.

Общей тенденцией в вождестве было то, что баланс влияния между различными лидерами племенной знати постоянно нарушался и приводил к противостоянию военного вождя с другими старейшинами. В зависимости от обстоятельств геополитического характера⁵ роль военного вождя могла быть различной, он мог забирать себе больше или меньше властных и духовных полномочий, но чаще всего он оттеснял на задний план других старейшин. Наличие вооружённых соратников придавало военным вождям уверенности при захвате власти. Иногда военные вожди привлекали в ряды своих чужеземцев, а порой и чужеземцы становились этими военными вождями. Приглашение их на службу очень часто оборачивалось захватом власти над племенем. Примерно по такому сценарию шла концентрация власти в руках варягов, сопровождающаяся диффузией сформированной государственности из Скандинавии⁶ сначала на Новгородскую землю, а затем и на земли полян – т.е. на Киев.

Состояние протогосударства, в котором влияние родоплеменных отношений было достаточно сильным, продолжало, так или иначе, существовать вплоть до монгольского нашествия. Вече оказывало большое влияние на политику княжества; чтобы быть «посажённым на стол» князю следовало с вече договориться, вече могло в отдельных случаях могло и не принять князя. Также, в некоторых случаях вече могло заставить князя вести войну или заключить мир⁷. Заметим, что в домонгольскую эпоху это тенденция была характерна не только для «вечевых» Новгорода и Пскова, но и для других русских земель, когда вече проявляло себя в исключительных случаях⁸. Однако не

Сбор дани в Суздальской земле посадниками Олега.
Миниатюра Радзивилловской летописи

Князя и дружина.
Миниатюра XVI в.

противостоять распаду; верховная власть в вождестве имеет сакрализованный, теократический характер. (См.: Крадин Н.Н. Политическая антропология. М.: Ладомир, 2001. С. 131).

¹ См.: Петров И.В. Государство и право Древней Руси. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2003. С. 153–164.

² Горский А.А. Древнерусская дружина. М.: Прометей, МГПИ им. В.И. Ленина, 1989. С. 25.

³ Государственная власть: теоретико-методологические и правовые аспекты. С. 276.

⁴ Васильев Л.С. История Востока: В 2 т. Т. 1. М.: Высшая школа, 1994. С. 65.

⁵ Значимость военных набегов на соседей и необходимости активной обороны.

⁶ См.: Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. М.: Высшая школа, 2004. С. 114–116.

⁷ См.: Пузанов В.В. Народ и власть в городах-государствах Древней Руси // История России: Народ и власть. Изд. 2-е. СПб.: Лексикон, 2001. С. 57–76.

⁸ Различая вече киевское и новгородское, дореволюционный российский историк Д.Я. Самоквасов пишет, что киевское княжество представляло собой чистую монархию, где народ являлся в политической сфере только в исключительных слу-

Новгородское вече.

Миниатюра Лицевого свода. XVI в.

Княжение Рюрика с братьями.

Миниатюра Радзивилловской летописи

следует переоценивать значение веча и вечевой власти в Древнерусском государстве. «Она представляла собой скорее пережиток первобытного общества, нежели подчёркивала, как считают некоторые авторы, склонность русского народа к народоправству. Этот вывод подтверждается следующим обстоятельством: вечевая власть уже сложилась к тому времени, когда появилась княжеская династия»¹. Вече не могло и избирать князя², и вообще как-то принципиально влиять на княжескую династическую стратегию. Этой же точки зрения придерживается и П.П. Толочко: «Вече могло повлиять на княжеские поставления, как это было в Киеве в 1068 и 1113 гг., но никаким правом избрания князей не обладало. Да на Руси и не было такой практики. Даже и в Новгороде, который был волен в князьях. Новгородцы приглашали на стол князей и изгоняли их, но это никак не подпадает под определение избрания»³.

Значимость князя как предводителя военной дружины, администратора и законодателя с каждым годом увеличивалась, его полномочия постоянно расширялись. Монархическая власть прошла по данному направлению три этапа. На первом этапе князь – правитель северо-западного «конфедерации» (Рюрик) имел в качестве владения Ладогу, был военным вождем и арбитром в межплеменных спорах. На втором этапе князь – глава северо-западного государства с чисто феодальными функциями – сюзеренитетом и правом распоряжения земельным фондом государства (Рюрик совершил переворот, вокняжился в самом сердце земли ильменских словен, стал раздавать многочисленные земельные владения и должности своим дружинникам). На третьем этапе князь – общерусский верховный глава всех ветвей власти, не только военной и исполнительной, но также законодательной и судебной (Олег, объединив Русь, создавал уставы, регламентировавшие налоговые обязанности населения, имел право вершить суд над своими подданными)⁴.

При этом вече, народные собрания, т.е. некий призрак участия народа в государственных делах был по-прежнему выгоден князьям, что обуславливалось комплексом геополитических, военных и экономических причин. Поскольку длительное время «геополитика» русских князей сводилась, строго говоря, к грабительским походам на соседние земли и давно сформировавшиеся государства (Византию, Болгарию, Венгрию, Польшу и др.), следовало оставлять надёжный тыл. Первые правители Древнерусского государства (Олег, Игорь, Святослав) были ещё не столько полноценными государственными деятелями, сколько племенными вождями, использовавшими Русь как удобный плацдарм для набегов на богатых соседей. Завоевание земель рассматривалось ими скорее как ресурс для получения дани. Они готовы были расширять границы государства, видя только в данной деятельности увеличение его мощи. Первые князья мало заботились о государственном строительстве и законодательстве, полагая, что управлять можно, опираясь на силу оружия и значимость обычаев. Постоянные войны и дальние походы вынуждали князей возлагать ответственность и полномочия на вече и городских старейшин, которые в отсутствие князей временно управляли государством. В тех случаях, когда князь имел возможность реально управлять делами государства, да к тому же был ещё и харизматичен (как, например, Ярослав Мудрый или Владимир Мономах), роль веча была ничтожна.

Со временем внешняя политика русских князей становится менее агрессивной, более того геополитическая ситуация заставляла переходить к обороне, а мирные отношения с соседями и выгодное географическое положение (нахождение на мировых торговых путях) приносили большую выгоду. Уже Владимир I Святой был вынужден тратить много сил на организацию обороны от агрессивных соседей-кочевников. Создавались фортификационные и заградительные сооружения, строились крепости. Эти грандиозные сооружения требовали привлечения значительных человеческих ресурсов, а их строительство имело мало общего с постройкой рыцарских замков в Западной Европе⁵. К строительству русских фортификационных сооружений привлекались все жители окрестных деревень. Вряд ли эти они, как по своему замыслу, так и по способу исполнения, а также по степени использования населения в их строительстве, могли сравниться с восточными крепостными укреплениями (скажем, Великой Китайской

чаях, тогда как новгородское – было чистой демократией. См.: Самоквасов Д.Я. Заметки по истории русского государственного устройства и управления. СПб.: Печатня В.И. Головина, 1870.

¹ Кашанина Т.В. Указ. соч. С. 133.

² Нет ни единого свидетельства, подтверждающего факт избрание князя вечем.

³ Толочко П.П. Власть в Древней Руси. X–XIII вв. СПб.: Алетей, 2011. С. 182.

⁴ См.: Петров И.В. Указ. соч. С. 129.

⁵ Строительство таких замков в Западной Европе носило частный характер, было личной задачей конкретного феодала и соответствовало его персональным возможностям, а также географическому положению и сложившейся военной ситуации.

стеней). Но принцип привлечения населения уже в раннем русском Средневековье был такой же – его максимальная насильственная мобилизация для амбициозных задач власти, которые явно не соответствовали реальным энергетическим возможностям этой власти. Вскоре, после принятия христианства, этот же принцип стал использоваться при строительстве гигантских храмов, которые по замыслу правителей, должны были олицетворять их военную мощь, государственную мудрость, а, главное, легитимность.

Существо властных отношений было обусловлено ха-

рактером цивилизационных производственных технологий и формой собственности. В Западной Европе мягкий климат, плодородие почв, развитые сельскохозяйственные и ремесленные технологии, доставшееся в наследство от римлян, да и само прямое влияние римского права способствовали развитию частной собственности. Земля попадала в руки отдельных людей, которые могли, только полагаясь на силы своей семьи, благополучно обрабатывать её. Через налоги и другие платежи они содержали государство, а их работоспособность и благополучие была выгодна как государству в целом, так и властным элитам этого государства. Естественно, что земля принадлежала не всем, а только избранным, а некоторые из этих избранных (во всяком случае, в раннем западноевропейском Средневековье) владели не только землёй, но людьми, которые на этой земле жили и обрабатывали её. Все феодалы от рыцаря до герцога были привязаны к своей земле, она переходила по наследству из поколения в поколение. Земельная собственность была накрепко «привязана» к её владельцу, а сам он, порой, именовался по земле, которой владел.

На Руси природные условия были таковы, что было невозможно обрабатывать землю, не прибегая к помощи соплеменников. Огромные усилия тратились не только на обработку земли и сохранение урожая, но и на защиту его от агрессивных соседей. Геополитические риски были несравнимо выше, чем на Западе¹ – кочевники постоянно угрожали населению, покушаясь не только на собственность, но и на свободу и саму жизнь русских. Земля, бывшая ранее общей, стала принадлежать вождю, а затем стала и собственностью князя, который распоряжался её по своему усмотрению – для него разницы между своим и государственным не было. За счёт земельных пожалований он «рассчитывался» со своими родными и дружинниками. Земля воспринималась не только как сельскохозяйственные угодья, но и вообще как место обитания. Природные богатства этой земли, добываемые с помощью охоты, рыболовства и собирательства также облагались данью. Первое время дружина выступала в роли некоего «коллективного» феодала, совместно потребляющая дань, собираемую с населения (причём, порой, на месте). Васалитет на Руси генетически был обусловлен княжеско-дружинными отношениями и являлся, таким образом, прототипом «военной демократии». Русскую дружину, как ее рисует «Повесть временных лет», можно представить себе и своеобразной военной общиной, и своеобразным «казачьим войском», возглавляемым атаманом. От общины идут отношения равенства, находящие внешнее выражение в дружинных пирах, от «казачества» – роль военной добычи как главного источника существования, который использовался как в прямом, так и в превращенном виде, ибо дань – это и выкуп за несостоявшийся поход². Дружина на первых порах могла спровоцировать князя и настоять на увеличении дани³, предложить взять дань взамен разбойного набега.

Зарождающаяся знать не особенно стремилась «садиться» на землю, обособиться на местах, а старалась находиться «при князе». В этом и проявлялось коллективная форма земельной собственности в её абсолютном виде: её считали таковой и крестьяне, и знать. Архетипы коллективистского мироощущения ещё долго продолжали довлеть над всеми характеристиками русской материальной и духовной жизни, а индивидуальное начало, столь характерное для Запада, всегда считалось в России чуждым и вредным.

Становление властных институтов соответствовало темпам развития государственности. На Руси развитие государственности тормозилось в силу ряда причин. Во-первых, комплекс сложившихся неразвитых экономических отношений, и, в первую очередь, неразвитых отношений собственности, долгое время продуцировал соответствующие государственно-правовые отношения. Во-вторых, особые природно-климатические условия создавали эффект автаркии, основанной на относительном, хотя и весьма скромном самообеспечении за счёт внутренних ресурсов. Заимствование опыта у соседей в обстановке взаимного недоверия и недоброжелательности было ограниченным, да и сами отношения с соседними государствами были непостоянными, фрагментарными. В-третьих, наследие греко-римской античной цивилизации было незначительным. В отличие от германцев, западных и южных славян, восточнославянские племена занимали те территории, которые не были затронуты римской колонизацией «впрямую», а контакты с Византией носили всё же несколько иной характер. Поэтому «прямое наследование» государственных и правовых институтов практически отсутствовало. Влия-

Строительство храма Покрова на Рву на Красной площади. Миниатюра из Лицевого свода

Строительство Великой печерской церкви. Миниатюра из Радзивилловской летописи

¹ Западноевропейское Средневековье также не было комфортным пространством: угроза постоянного вторжения исходило то от викингов, то от венгров, то от арабов. На морях хозяйничали пираты, а междоусобные войны велись с завидным постоянством.

² См.: Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2009. С. 173.

³ Классический пример – конфликт князя Игоря с дrevлянами.

ние Византии и других государств со сформировавшейся государственностью и действующими правовыми институтами было опосредованным. В-четвёртых, значимость общины была настолько велика¹, что она исполняла некоторые государственные функции, тормозя собственно государственное развитие.

В XI – первой половине XII вв. происходит экономический, геополитический и духовный подъём Руси, обусловленный мировыми тенденциями развития. Русь стала мостом между Западом и Востоком, политические, экономические, военные, а затем и духовные отношения с ней стали необходимы и выгодны западноевропейским соседям. В огромной мере этому способствовало принятие христианства. Русь по ряду параметров своей политической самоидентификации становится равнозначной с соседними европейскими государствами. Этот подъём сопровождался государственным строительством и кристаллизацией социально-властных институтов. Для упрочения и сохранения земельной собственности за своим родом великие князья хотели сами создавать уделы и передавать их сыновьям и внукам. В уделах каждый князь мог создавать свой «стол» и двор, копируя элементы государственности с великокняжеского аналога. Однако это произошло далеко не сразу и по очень замысловатому сценарию.

В отличие от Западной Европы Древняя Русь представляла собой конгломерат различных княжеств, на престолах которых находились монархи-родственники из одной династии, каждый из которых мог хотя бы гипотетически претендовать на великокняжеский престол. Вплоть до конца XI в. верховная власть передавалась по наследству, на основе обычая, называемого «лествичным правом», по которому княжеская власть переходит от князя к его младшему брату, а затем к старшему племяннику. Лествичное право обеспечивало занятие княжеского престола только взрослым мужчинам, которые могли самостоятельно осуществлять руководство государством, в первую очередь – быть военными руководителями. По мере смены главного князя все прочие переезжали по старшинству из города в город. Такой же лествичный порядок сохранялся и внутри отдельных княжеств, на которые распадалась Киевская Русь. Порядок этот весьма формально помогал сохранять единство страны, но был неудобен в силу постоянных переездов князей с дружинами из города в город. Кроме того, старшие племянники часто ссорились с младшими дядьями, что вело к междоусобицам². В.О. Ключевский пишет: «Постоянное передвижение князей со стола на стол и сопровождающие его споры роняли земский авторитет князя... Он приходил и уходил, был политической случайностью для области, блуждающей кометой»³. Это не способствовало и упрочению отдельного княжества как государства, ибо чаще всего князь рассматривал данное княжение как временное пристанище, не уделяя своим подданным должного внимания и даже не задумываясь над самой необходимостью государственного строительства, совершенства законодательства и создания правовых документов, его интересовала только власть как таковая. В идеале – Киевский престол, а как минимум – княжение в наиболее богатой и «удобной» земле.

Ярослав I Мудрый остался последним в живых из всех сыновей Владимира I Святого. Остальные погибли в череде междоусобных столкновений. Он разделил Киевскую Русь на уделы, отдав старшему сыну Изяславу великокняжеский престол. Однако споры за земли, сопровождаемые войнами, продолжались. После жестокой междоусобицы 1094–1096 гг. на Любечском съезде князей в 1097 г. было принято решение, что сыновья могут претендовать только на землю своих отцов. Тем самым было положено начало делению общих владений рода Рюриковичей на семейные вотчины, внутри которых, однако, в основном сохранялся старый порядок наследования. Лествичное право уходило в прошлое, но порядок, подобный западноевропейскому, так и не установился. В целом это способствовало государственному строительству внутри княжеств, но стало политическим и правовым основанием типичного средневекового явления – к феодальной раздробленности⁴. Великий князь Киевский не был ни единовластным правителем всей Руси – вершиной феодальной вертикали, ни неограниченным монархом. Несомненно, он был самым авторитетным властителем, обладателем самого возделенного трона, старейшиной князей. Это княжеско-родовое старейшинство приобрело характер политического созеренитета, порождающего специфическую систему вассальных отношений в русской родовой версии. Удельная система была закономерным этапом в развитии российской государственности, и в этом смысле всё же выполнила свою историческую задачу, наделив князей государственной ответственностью и не превратив престолонаследование в полный абсурд. М.Ф. Владимирский-Буданов высказывал даже такое, кажущееся, на первый взгляд, парадоксальное, суждение относительно того, что усиление дробности государственной территории было кажущейся: «В действительности же заметно усиливаются начала будущего государственного единства. Каждая земля делится, в свою очередь, на множество княжений (по числу членов своей линии княжеского рода), но эти княжения отнюдь не новые государственные единицы: князья пригородов заменяют лишь посадников; внутреннее единство земли не нарушается; во внешней политической деятельности выступают не отдельные княжения, а целые земли»⁵.

При этом «следует различать два варианта удельно-вотчинной системы: обычный и великокняжеский. Оба варианта генетически едины, но в способах реализации различны. “Удел” – часть любой вотчины (т. е. любого

¹ Это далеко не единственный случай в истории, когда община подменяет государство. Евреи, изгнанные со своей Родины, почти 2000 лет обходились без своего государства, но оставались со своим правом, общаясь с государствами, на территории которых они жили в основном посредством своей общины. Некоторые этносы (например, цыгане, пуштуны, пигмеи и др.) и по сей день живут вне государственности, ориентируясь исключительно на приоритеты своих обычаев и значимость своей общины.

² Юридическая практика Киевской Руси не выработала четкой системы междукняжеских отношений в престолонаследной сфере. Если вотчинное право было хоть как-то определено, то принцип «старейшинства» (в различных его вариантах) покоилась только на моральных основаниях. Лествичное право постоянно нарушалось – князья могли «рядиться о волостях», заключая между собой договоры, игнорируя этот способ наследования власти – например, договор Ярослава Мудрого и Мстислава Тмутараканского и Черниговского о разделе Руси «по Днепру». Не редки были случаи прямого захвата власти силой оружия – наиболее яркий пример захват киевского престола Владимиром I Святым и убийство им его старшего брата Ярополка.

³ Ключевский В.О. Собрание сочинений в девяти томах. Курс русской истории. Т. 1. М.: Мысль. 1987. С.200.

⁴ Основными объективными причинами феодальной раздробленности были: 1) господство натурального хозяйства при одновременной незавитости хозяйственных связей; 2) возникновение крупного феодального землевладения в виде боярской вотчины; 3) усиление политического влияния боярства, его стремление к независимости от Киева; 4) ослабление военного и политического могущества центральной власти, вызванное борьбой князей за Киев; 5) развитие городов на Руси как местных центров хозяйственной (торговой, ремесленной) и политической жизни.

⁵ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. С. 44.

семейно-родового владения), но вместе с тем потенциально – и сама (новая) вотчина. Удельно-вотчинная система в обычном варианте была амбивалентна, ибо осуществлялась в процессе постоянного деления и консолидации. Великокняжеская система нацелена была на закрепление семейной собственности как государственной: в соответствии с этим обстоятельством осознавалось и понятие “отчины” великого князя как территории Русского государства. Генетическое единство двух этих вариантов проявлялось в системообразующей функции, обеспечивавшей целостность государственно-политического и экономического устройства. Отсюда понятно, почему владельцы княжеских вотчин до подчинения их великокняжеской власти пользовались в своих жалованных грамотах термином “пожаловал есмь” и почему с созданием единого государства им пришлось употреблять иную формулу – “дал есмь”¹. Вотчинная система, стоявшая в одном ряду с различными формами старейшинства и коллективного сюзеренитета всё же не привела к независимому существованию русских княжеств, в первую очередь потому, что не обрела чётких правовых понятий. Каждый удельный князь мог применить отчинное право не только к конкретной волости, перешедшей ему непосредственно от отца, но и к другой, где когда-то княжил его отец или дед, и даже к Киеву, на столе которого сидели представители различных ветвей великокняжеского рода².

Малоисследованный феномен истории становления русской государственной власти – это княжеские съезды. Это были личные встречи династии Рюриковичей для урегулирования разногласий, прежде всего касающихся раздела территорий, актуальных проблем внутренней и внешней политики, организации совместных военных действий, которые проводились как в Киевской Руси, так и в отдельных русских княжествах с XI по XIV вв. Внешне они напоминали «семейный совет», ибо собирались князья одной династии. Тем не менее, они носили официальный характер и имели формализованную процедуру.

В первый период (XI – начало XII вв.) старшие князья определяли политическое устройство, в дальнейшем, в период феодальной раздробленности происходили съезды той или иной ветви Рюриковичей, а также встречи отдельных князей. Общерусские съезды вплоть до монгольского нашествия собирались по поводу отношений с кочевниками. Существовали и своего рода съезды с половецкими ханами (роты) для установления с ними мирных отношений. Сегодня среди исследователей нет единого мнения относительно природы княжеских съездов, причём разброс мнений огромный – от признания их в качестве высшим органом власти, некоей надгосударственной структурой, до их оценки как архаической процедуры, не оказывавшей реального воздействия на политический строй. Тем не менее, съезды имели значимое место в политической жизни Киевской, а затем и Московской Руси, а решения некоторых съездов³ имели особое геополитическое значение.

Князья получают всё больше власти, стараются не делить её ни с кем, понимая, что в противном случае подданные могут повести себя непредсказуемо⁴. Князь в большинстве русских земель, оттеснив вече от реальных рычагов власти, сосредоточил в своих руках военную, административную и законодательную власть. В XI–XII вв. русские князья занимались не только военным делом, у них было и много других обязанностей, в том числе и в законодательной и судебной сферах, во внутреннем наряде, в образовании и просвещении населения, в церковном строительстве. Не все князья отдали приоритет военному делу. Так, Ярослав Мудрый, став великим князем Киевским, вообще не участвовал в военных компаниях, но прославился как законодатель, просветитель и администратор. В целом право законодательной инициативы оставалось за князем вплоть до монгольского завоевания.

Князья составляли церковные уставы или грамоты, активно вмешивались в церковные дела – т.е. по сути дела занимались церковным управлением. Значительно труднее было с властью судебной. Формально князь оставался высшим арбитром, но на деле перепоручал судебные функции своим чиновникам, например тиунам, посадникам⁵, что на деле нередко приводило к злоупотреблениям с их стороны и резкому недовольству населения.

Как отмечает П.П. Толочко, «в реальной жизни древнерусский князь был феодальным правителем с чрезвычайными полномочиями».

Примирение князей на съезде в Уветичах.
Миниатюра из Радзивилловской летописи

Съезд князей в Дмитрове.
Миниатюра Лицевого свода

¹ Юрганов А.Л. Указ. соч. С. 128.

² См.: Толочко П.П. Указ. соч. С. 75.

³ Например, Городецкий 1026 г., где Ярослав Мудрый и его брат Мстислав приняли решение о разделе Руси «по Днепру», Любечский 1097 г., который провозгласил принцип наследования князьями земель своих отцов.

⁴ Были редкие случаи, когда население старших волостных городов на вече решало вопрос о приглашении на княжение какого-нибудь популярного князя или об изгнании князя, нелюбимого народом. Вече посылало к избранному кандидату с приглашением прийти на престол: «Поиде, княже, хочем тебе», а нелюбимому князю обращались с кратко мотивированным требованием «Поиде, княже, прочь, не хочем тебе». (См.: Пушкарёв Г.С. Обзор русской истории. М.: Дрофа, 1991. С. 45). Известно, что новгородцы уже в 1240 г., рассорившись с Александром Невским, изгнали его, и он был вынужден довольствоваться Переславле-Залесским княжеством. Когда ливонские рыцари начали новую агрессию, новгородцы обратились к Ярославу за князем и не были удовлетворены, что Ярослав предложил им другого сына – Андрея. Второе пришествие Александра на княжение было более длительным, и не было столь демократичным как первое. Александр Невский побывал и Великим князем Владимирским, и формально Великим князем Киевским.

⁵ Традиция считать судебную власть разновидностью административной продолжала существовать вплоть до великих реформ Александра II.

чайно широкими управленческими и судебными функциями, символом государственной стабильности. В том числе и в Новгороде. Здесь наибольшего развития получила система боярского самоуправления, однако политической фигурой номер один, несомненно, был князь. Находки большого числа княжеских печатей свидетельствуют о регулярном исполнении ими правительственно-судебных функций. Боярские кланы, постоянно интриговавшие против князей, тем не менее, не создали альтернативных княжеским и независимых от них властных структур. И, конечно, государственные порядки Новгорода только с большой долей условности можно называть республиканскими. Без князя город и земля не могли существовать, иногда оказывались в экономической блокаде»¹.

Новгородцы звонят в вечевой колокол у Св. Софии на Ярославовом дворце. Миниатюра Лицевого свода

Заседание Боярской думы с участием митрополита по случаю нашествия Мамая. Миниатюра из Лицевого свода

Вече на Руси было имманентным явлением публичной власти и обычного права. Как уже было отмечено выше, вече выступало в качестве неотъемлемого элемента социально-политического механизма Руси, в своём развитии прошло ряд этапов. Первый этап был характерен для родоплеменной организации, когда все взрослые мужчины принимают участие в политической жизни и осуществлении публичной власти. Родоплеменная плебисцитарная демократия могла существовать только в определённых условиях, при переходе социальной жизни к соседской общине, формированию городов как центров племенных земель (IX–X вв.) племенное собрание трансформируется в городское собрание. Для принятия значимых политических решений «сходятся в старейший город лучшие люди всей земли и обсуждают земские вопросы в присутствии горожан этого города»². Затем эта форма народного представительства разделится на боярскую думу и собственно вече. В XI–XIII вв. власть в русских землях переходит полностью под контроль «старших городов», а вече (как собрание простых граждан) становится самостоятельной формой власти и полного развития их прав. «Всплеск» вечевой деятельности приходится на период между 60-ми гг. XI в. и 50-ми гг. XII вв. По времени он примерно совпадает с экономическим политическим и духовным подъёмом Руси, и естественным повышением социальной роли «рядовых граждан»³ в жизни княжеств.

«Здесь устанавливается единый земский союз, в котором объединены волости и пригороды (вторичные города-государства, провинции) под власть старшего города (первичные города-государства). Происходит первое формирование идеи государственной целостности, поддерживаемое традицией родового княжеского права, согласно которой «вся Русская земля» (впервые это выражение начинает применяться в произведении киевского митрополита Иллариона) соединялось с правом княжеского рода на власть»⁴. К этому времени вече полностью утерало какие-либо следы плебисцитарной демократии и превратилось из общеземского института в аристократическое собрание. С одной стороны, гарантированное обычным правом реальное участие «рядовых граждан» в деятельности вече становится маловероятным и случайным, с другой стороны в XIII–XIV вв. на него приглашаются политическая элита и крупные землевладельцы⁵.

Княжеская (боярская) дума представляла собой значимый фактор в политической жизни княжеств на территории Древнерусского государства. Историческая ретроспектива, анализ летописей и литературных источников позволяют утверждать, что из вождей произошли князья, народное собрание стало основанием вече. С боярской думой на Руси было сложнее, различные авторы расходятся во мнениях относительно её происхождения, но, вероятнее всего, она формировалась как из представителей племенных элит (старцы градские, мужи), так и верхнего слоя наиболее приближённых дружинников князя, а также после принятия христианства – и высшего духовенства. Боярская дума представляла собой аппарат государственной власти. Как бы примитивно не было бы государство на ранних этапах своего развития, вождь, а затем князь нуждался в верных советниках, которые отвечали за различные

сферы деятельности княжества. С.В. Юшков отмечает: «В большинстве земель-княжений идёт процесс образования при княжеском дворе определённой группы феодалов – боярства и министералитета, составляющей окружение князя. Эта группа, решавшая наиболее важные вопросы в земле-княжении, по своему организационному типу близка к так называемой феодальной курии западноевропейского Средневековья»⁶. Конечно, это ближайшее окружение обладало разной степенью компетентности, преданности государственным делам и лично князю. Истории известно множество фактов, когда некомпетентность и корысть ближнего окружения того или иного князя была основанием их «дурных советов», имевших весьма печальные последствия⁷. Практика формирования думы была традицией, но ни каким образом не была оформлена юридически. Вероятно поэтому и в Древнерусском государстве, и в Московской Руси, а затем и в России при каждом правителе и значимость, и реальная роль как самих бояр, так и всей боярской думы была различной; различным было даже само число бояр⁸. Каждый правитель в зависимости от своих

¹ Толочко П.П. Указ. соч. С.29.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 76.

³ Разумеется, жителей русских княжеств, даже стольных городов, очень условно можно было назвать гражданами.

⁴ Государственная власть: теоретико-методологические и правовольтурные аспекты. С. 278.

⁵ См.: Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. М.: Зерцало, 2003. С.66.

⁶ Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.-Л.: Из-во АН СССР, 1939. С.192.

⁷ Например, необоснованная в правовом и политическом смысле попытка вторичного сбора дани с древлян легендарным князем Игорем, военные авантюры Святослава, неподготовленный в военном и политическом аспекте поход другого легендарного князя Игоря на половцев и др.

⁸ При Василии II (1422–1462) было только четверо бояр, при Иване III (1462–1505) – 19, при Василии III (1505–1533) – 20 (за всё

собственных сил и политических реалий определял, насколько ему важны советники. Тем не менее, социальная значимость боярской думы была такова, что никто из русских правителей без ближайшего окружения советников обойтись не мог. В.О. Ключевский удивительно точно отмечает: «Общим итогом может служить то, что княжеская власть так и не смогла утвердить порядок на огромном пространстве русской земли, которая объединялась на основе не политического, а генеалогического принципа. «Князья не установили на Руси своего государственного порядка и не могли установить его. Их не для того звали, и они не для того пришли. Земля звала их для внешней обороны, нуждалась в их сабле, а не в учредительном уме... Князья скользили поверх этого земского строя, без них строившегося, и их фамильные счёты – не государственные отношения»¹. Организация власти не по политическому, а по генеалогическому принципу привела, в конечном счёте, к падению государства.

В целом же Древнерусское государство по многим признакам оставалось несформировавшимся, сырым протомилитарным² образованием. Реально на Руси были только квази- и протогосударственные формы, способные к выполнению только ключевых функций государства (прежде всего, организация военной силы по поддержанию легитимности социального порядка), способные к паритетным отношениям с соседними государствами³. Внутриполитическая ситуация особого рода разрозненности, когда долгое время господствующее лествичное право по сути дела не способствовало государственному строительству, а удельная система ещё более раздробляла Русь. Власть дробилась на династические ветви, враждовавшие друг с другом, а земли разделялись на уделы. Это стало первой предпосылкой падения государства.

Вторая предпосылка – это крайне неэффективная боеспособность разрозненной Руси. Военная составляющая в известной степени вытекала из внутриполитической. Силы кочевников с востока прибывали, войны становились всё более ожесточёнными. Западные и северные соседи также не отличались миролюбивым характером. В то же время раздробленность, междоусобица и стремление князей для решения внутриполитических задач прибегать к внешней силе неумолимо подтачивали энергетические, духовные и интеллектуальные силы страны. В войнах разорялось население и приходило в упадок сельское хозяйство, разрушались города – центры ремесла и торговли, гибли лучшие представители народа.

Третья предпосылка вытекала из общей цивилизационной обстановки, сложившейся в мире. Древнерусское государство не сумело вписаться в новую геополитическую ситуацию. К XII в. роль Руси как торгового посредника между Севером и Югом, Западом и Востоком, прекратилась: кочевники создали непреодолимые препятствия на торговых путях; европейские державы крестоносцев открыли путь на Восток; возшла звезда итальянских талассократий – торговых республик Венеции и Генуи, контролировавших торговлю с Востоком; основной политической, экономической и духовной союзник Руси – Византия по сути дела прекратила своё существование⁴. В обстановке острейшего внутриполитического кризиса и нарастающей внешней угрозы Русь не смогла найти ответа на катастрофические цивилизационные вызовы.

Четвёртая предпосылка вытекала из значимости русских городов, которые принципиально отличались от городов западноевропейской. Города, как самостоятельные центры экономической, духовной и социально-культурной идентичности, не сформировались⁵. Купеческо-бюргерский уклад хозяйства – основа прогресса в западноевропейском Средневековье – так и не сумел возникнуть, а русским правителям даже в голову не могла прийти мысль о том, что можно уступить хотя бы толику власти каким-то купцам и ремесленникам. Крайне низка была роль денег и кредитно-финансовых отношений, самостоятельные промышленные и торговые отношения находились на низком уровне. Горожане не стали значимой и самостоятельной социальной силой, они мало чем отличались от обычных крепостных крестьян. Новые технологии – как мирные, так и военные – развивались недостаточно, города не стали мощными непреступными крепостями на пути агрессоров. Право как основа достоинства и понимания своего места в обществе по сути дела находилось в примитивном состоянии. Различия городского права в Западной Европе и России было чрезвычайными. По образному и меткому выражению Т.В. Кашаниной, «если право западноевропейских городов выражало **свободу горожан**, то городское право России было его зеркальным отражением и выражало **свободу государства** (в лице великих князей, а затем царей), считавшегося единственным и безраздельным собственником земли»⁶. Говорить о свободе личности в России было невозможно, а полностью она была утеряна с началом монгольского порабощения⁷.

царствование), после смерти Ивана IV Грозного (1533–1584) осталось всего 11 бояр, а спустя почти два столетия, в царствование Петра I, их насчитывалось только 19. Статус боярина, несмотря на постоянные репрессии, был чрезвычайно высок. Иван IV Грозный так и не дал боярского звания своему фавориту Малюте Скуратову, боясь унижить этот высокий сан быстрым возвышением человека неродовитого. Пётр I ликвидировал Боярскую думу, но не самих бояр, оставив их доживать свой век. Последний боярин Иван Юрьевич Трубецкой умер в 1750 г. (См.: Соловьёв Б.И. Русское дворянство. СПб.: Полигон, 2003. С. 23–25).

¹ Ключевский В.О. Собрание сочинений в девяти томах. Курс русской истории. Т.1. С. 197–198.

² Архаичная форма военной (или милитаризированной) организации властвования. Термин используется Ю. Семёновым и Н.С. Розовым. Подразумевается, что такая форма имеет деспотический характер, опирается исключительно на военную силу ближнего круга соратников (старших дружинников, родственников, своего клана и т.п.). При этом собственно государственные структуры должным образом ещё не выстроены, ибо главе этого раннего, сырого государства достаточно просто военной силы, чтобы решать свои самые насущные вопросы только зарождающегося государства. Как структура она достаточно проста и даже примитивна в силу узкого круга решаемых проблем.

³ См.: Розов Н.С. Философия и теория истории. М.: Логос, 2002. С. 350–353.

⁴ После взятия Константинополя крестоносцами в 1204 г. Византия распалась на части, а её осколки (Никейская, Трапезундская империи и ряд более мелких феодальных княжеств) были уже её бледной тенью.

⁵ На Руси возникновение городов относится к IX–XII вв., затем был длительный перерыв, обусловленный монгольским нашествием, после которого причины возникновения и принципы развития городов существенно изменились. Рост городов (за исключением Новгорода и Пскова) практически приостанавливается, многие города прекратили своё существование – было подорвано экономическое основание их процветания, хозяйству был нанесен невосполнимый урон, население было либо уничтожено, либо уведено в рабство.

⁶ Кашанина Т.В. Указ. соч. С. 250.

⁷ Природа российской государственности отлична от западной; в свою очередь, понимание достоинства во внеевропейских правовых культурах существенно отличается от западноевропейской. Адам Олеарий, побывавший в России в 1633–1634 гг., с

Взятие Рязани Батыем (слева); разорение Владимира монгольским войском (справа). Миниатюры Лицевого свода

изволом. Монголам не было выгодно уничтожать княжескую власть на Руси и самим осуществлять функции управления и сбора дани. Их устраивали те князья, которые наиболее успешно представляли монгольские интересы на Руси, именно таким правителям они и давали ярлык, утверждающий в княжеском достоинстве. Это же послужило и основанием того, что монголы способствовали усилению власти великого князя и воссозданию видимого центра политического единства Северо-Восточной Руси. Древняя Русь – это неудавшееся Российское государство, как утверждал Л.Н. Гумилев, а Древнерусское и Российское государства – это два различных государства, территория которых частично совпадает³. После освобождения от монгольского ига миру явилось совершенно иное общество и совершенно иное государство

Изменения в структуре власти, полномочиях и задачах правителей в Киевской Руси и Российском государстве было разительным. Россия на долгие годы стала государством с деспотическим способом управления. Тем не менее, было бы ошибочным полагать, что подобному стилю управления Россия была обязана исключительно монголам.

Во-первых, логика всех властных отношений Киевской Руси была направлена на усиление княжеской власти, подавление любых проявлений народовластия. Во-вторых, Русь почерпнула властно-деспотический характер отношений из Византии. Религиозные, моральные, политические и правовые предпочтения элит были почерпнуты у Византии, доминант которой был апофеозом деспотизма. В-третьих, к концу XV в. Россия уже установила всевозможные контакты с Западной Европой, но не свободолобивые порядки вольных городов привлекали русских правителей, а абсолютистские способы правления западноевропейских монархов.

Организация княжеской власти, существовавшая в домонгольскую эпоху, безнадежно устарела ещё до того, как её фактически разрушили монголы и демонтировали западные завоеватели. Невозможность взять власть в свою собственность и нести за неё ответственность привела не только к военному поражению русских князей, но и продемонстрировало нежизнеспособность и порочность всей прежней системы власти.

В дальнейшем власть в Московской Руси и в русских землях, попавших в орбиту Великого княжества Литовского, складывалась по-разному. Трудно сказать, какова была бы судьба власти в западных русских землях, если бы

удвиением пишет «Рабами и крепостными являются все они. Обычай и нрав их таков, что перед иным человеком они унижаются, проявляют свою рабскую душу, земно кланяются знатым людям, низко нагибая голову – вплоть до самой земли и бросаясь даже к ногам их; в обычае их благодарить за побор и наказание. Подобно тому, как все подданные высокого и низкого звания называются и должны считаться царскими «холопами», то есть рабами и крепостными, точно также у вельмож и знатных людей имеются свои рабы и крепостные работники и крестьяне. Князья и вельможи обязаны проявлять свое рабство и ничтожество перед царем еще и в том, что они в письмах и челобитных должны подписываться уменьшительными именами, то есть писать, например, «Ивашка», а не Иван, или «Петрушка, твой холоп». Когда и великий князь к кому-нибудь обращается, он пользуется такими же именами» (Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 362). Представление о значимости личного достоинства еще очень долго было непонятно как правителям, так их подданным. Идея служения, рабского растворения в государственности и собачьей преданности хозяину-государю долгое время была имманентной чертой русской ментальности. «Пётр Великий запретил называться в челобитных холопом и сиротою: до его времени все вообще просители, несмотря на титул и достоинства, бояре и рабы – именовали себя холопами, сиротами и сиротишками, и подписывали свои имена уменьшительно» (Д. Ч. Историческое обозрение актов и судебных бумаг в России // Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при Императорском Московском Университете. Т. 5. Вып. 1. М., 1830. С. 276). Однако Пётр I, пытавшийся преобразовать Россию по западноевропейскому образцу, в отношении прав личности оставался таким же восточным деспотом. Достоинство личностная свобода – явление исключительно сложное и ответственное. В России это явление всегда сопряжено с властной парадигмой и управлением государственной власти. Только Екатерина II внесла существенные изменения в дворянские представления о достоинстве и свободе, в XIX в. русское дворянство уже мыслило себя принципиально по-другому, нежели в веке предшествующем, чего совершенно нельзя было сказать об иных социальных слоях. Но всё же представления о достоинстве, о личной самооценности, ещё долгое время отличались от западноевропейских, а российские цари ещё долго считали себя собственниками людей и земель. Так, во время проведения первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г. Николай II в графе «род занятий» написал: «Хозяин земли Русской» (см.: Геллер М.Я. История Российской империи: В 3 т. Т. 3. М.: МИК, 1997. С. 194).

¹ См.: Янов А. Россия против России // Знание – сила. 2005. № 11. С. 40–47.

² Пушкин писал: «Татарам не походили на мавров. Они, завоевав России, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля». (Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6: Критика и публицистика. М.: Художественная литература, 1976. С. 361).

³ См.: Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: Мысль. С. 130–135.

Дмитрий Иванович получает ярлык на Владимирское великое княжение. Миниатюра Лицевого свода

они на определённом историческом этапе не утратили бы свою национальную самоидентичность, но следует признать, что формула властной национальной архитектуры всё же сложилась в рамках Московской Руси.

С начала монгольского владычества завоеватели сами избрали форму «назначения» удобного им правителя великим князем, собственно это и было формальным признанием их сюзеренитета. Известно, что датой формального установления монгольского ига считается 1243 г., когда последний сын Всеволода Большое Гнездо, князь Ярослав Всеволодович¹ принял от завоевателей ярлык (удостоверяющий документ) на великое княжение во Владимирской земле, в котором он именовался «старшим всем иным князьям в Русской земле». При таком порядке русские князья считались данниками ордынских ханов, но в случае получения от ханов ярлыков оставались официально признанными правителями своих земель. Обе системы – данничества (сбора ордынцами дани – «выхода» или, позже, «ясака») и выдачи ярлыков – закрепили политическую раздробленность русских земель и усилили соперничество между князьями. Монголы действовали, руководствуясь классическим имперским принципом «разделяй и властвуй», но упустили тот момент, когда Иван Калита начал собирать земли вокруг Москвы. Московские Рюриковичи хитростью и силой, деньгами и коварством сумели занять лидирующее положение среди князей Северо-восточной Руси, а со временем сама Москва стала синонимом русского государства. Используя ордынских сюзеренов для концентрации власти в своих руках,

на следующем витке исторического развития, московские князья уже были объективно заинтересованы в освобождении от монгольского ига. В этом задачи Рюриковичей совпадали с народными чаяниями и стали основой обоснованности и реализации их властных амбиций.

Власть Великих Московских князей монгольского и послемонгольского периодов характеризовалась не только собиранием земель под одной короной, но и всемерной концентрацией власти. Это обуславливалось внешнеполитической независимостью, стабильностью правления и устойчивостью самой власти. Государственная централизация – закономерный этап трансформации экономического, правового, идеологического созревания общества, кристаллизации всех его связей и отношений. Это имманентный этап формирования национальной государственности, историческая необходимость, геополитический шанс, упустить который было бы преступлением. Великие князья послемонгольского времени существенным образом отличались от Великих князей эпохи Киевской Руси. Собирание земель и собирание власти означало то, что они желали видеть себя повелителями всей Руси.

Первые попытки установления монархической власти, не связанной с системой как лестничного права, так и удельно-вотчинной системы отношений сложились ещё в XI в. Всеволод Ярославич², уже использовал «князь всея Руси», что отразилось на его печатях. Примерно с этого времени неофициально и sporadически правителями Руси начинает употребляться титул «царь»³. Иван III уже систематически стал употреблять этот титул, в основном в дипломатических контактах, а его внук Иван IV уже короновался как Царь Всея Руси. Дело здесь было не только в самом титуле, а в том, что он знаменовал полную внешнеполитическую независимость и внутреннюю стабильность самой власти. В дальнейшем возложение на Великого князя титула «царь» означало не только повышение его значимости, но и подчёркивало его роль как независимого государя, который не находился ни в каких вассальных отношениях и никому не платил дани.

Геополитическая ситуация в период правления Ивана III, Василия III, Ивана IV была чрезвычайно сложной, но именно эта сложность способствовала всемерной консолидации сил и концентрации властных интенций. Византия исчезла с политической карты мира, западные соседи вели не просто агрессивную политику, а постоянно отвоёвывали русские земли и пытались привить на них католическую веру. Золотая орда распалась на ряд крайне агрессивных полукочевых государств, каждое из которых претендовало на роль её наследника. В представлении потомков Чингисхана Россия продолжала оставаться объектом экспансии и грабежа, поставщиком рабов на невольничьи рынки Востока. Только разгромив агрессора, Россия могла чувствовать себя в относительной безопасности.

Справиться со всеми геополитическими вызовами Россия могла исключительно в условиях централизованного государства. Раздробленность в русской исторической памяти ассоциировалась с военными поражениями, монгольским порабощением, национальным унижением и потерей самоидентичности.

Уже после победы Дмитрия Донского на Куликовом поле в 1380 г. постепенно начинает складываться единая российская государственность. Политически это было обусловлено той ролью, которую взяли на себя московские Рюриковичи, «собирая» земли вокруг Москвы. Юридически это было обусловлено великокняжеской компетенцией, официально признанной претензией на главный престол в стране. В огромной мере этому способствовала деятельность Русской Православной церкви, которая не только идеологически обосновывала претензии московских князей, но и воодушевляла народ на борьбу против иноземных захватчиков. Москва становится символом русской государственности⁴, единственным центром не только политической, но и духовной жизни страны. Верховная

¹ Именно эта ветвь Рюриковичей, в конечном счёте, стала царской династией. Прямыми потомками Ярослава Всеволодовича были и Александр Невский, и Иван Калита, и Дмитрий Донской, и Иван III, и Иван IV Грозный.

² Князь киевский в 1076–1077 гг. и с 1078 г. до конца жизни (1093 г.).

³ Восходит к римскому титулу «цезарь», происходящему от имени собственного Гая Юлия Цезаря. Обязательная часть титула римских императоров эпохи принципата и домината, а позднее – Западной Римской империи и Восточной Римской империи, происходящая от имени Юлия Цезаря и отражающая таким образом преемственность власти императоров от него. У самих римлян титул «цезарь» не соответствовал понятию «царь», который у римлян именовался лат. *rex*, и сам Цезарь никогда не стремился к титулу царя, памятуя о печальной судьбе последних из семи римских царей.

⁴ Иностранные источники с XV в. и до начала XVIII в. Российское государство часто называют Московией, хотя в качестве самоназвания этот термин не использовался, войдя в русский язык гораздо позже как заимствованное слово.

власть постепенно стала ассоциироваться именно с Москвой, которая уже навсегда становится столицей страны.

Царская власть имела совершенно иную природу, нежели власть князей в Киевской Руси. Царь уже не был предводителем дружины, военным вождём, его положение было несравнимо выше всех. Даже князья, бояре, дворяне были у него фактически в положении слуг, царь не просто становится полновластным монархом, он был подобен восточному деспоту, а его реальная власть намного превосходит власть западноевропейских королей.

В русском правосознании власть царя была обусловлена пятью положениями: во-первых, как символ политико-правового единства, независимости страны и её международного значения; во-вторых, как воплощение тождества верховной воли с интересами народа; в-третьих, как олицетворение народа перед ликом Бога; в-четвёртых, как защита православной веры; в-пятых, как установление политической системы и осуществлением высшего суда. Царь был центром политической системы, высшим легальным и легитимным источником формирования системы управления. В его компетенцию входили законодательные функции, он формировал государственные учреждения, назначал и снимал и назначал государственных служащих, принимал участие в выборах и назначении высших иерархов церкви¹. Иностранцы, путешествуя по России, обращали внимание не только на огромную власть, собранную в руках русского царя, но и на рабскую зависимость от него не только рядовых подданных, и даже высших сановников государства.

В царский период значительные изменения претерпела и Боярская дума. С одной стороны дистанция между царём и Боярской думой как совещательным органом по сравнению с княжескими временами увеличилась, с другой стороны, этот орган стал естественным элементом государственно-властной системы, а сами бояре постепенно превращались в сословие, подобное западной аристократии². Боярская дума в своём развитии прошла три этапа, на каждом из которых этот институт совершенно по-разному взаимодействовал с царской властью.

На первом этапе (XIV–XV вв.), когда молодое Московское государство совершает пассионарный прорыв после длительного монгольского владычества, интересы Боярской думы совпадают деятельностью великокняжеской власти, а представления монарха, бояр и служилых людей по поводу государственного строительства были идентичны. Феномен недолгого национального единства был обусловлен тем, что возвышение великого князя, консолидация верховной власти воспринималось всеми слоями властных элит синонимично возвышению всего государства, а также как явное улучшение своего собственного положения.

Казнь бояр при Иване Грозном.
Миниатюра Лицевого свода

Второй этап (XVI в.) был обусловлен противостоянием между царской властью и родовитой знатью. М.Ф. Владимирский-Буданов отмечает: «Устоявшееся самодержавие собрало из всех княжеств местные боярские силы в одну Москву; кроме того, здешнее боярство усилилось огромной массой служилых князей, лишённых уделов»³. Многие из бояр, так же как и царь, были представителями какой-либо из ветвей Рюриковичей, и могли иметь юридические основания претендовать на царский престол в случае пресечения династии. Представители боярских родов желали управлять страной в силу прав законных наследственных властителей, что было явной угрозой монархической власти. Бояре занимали ведущие места в царской администрации, причём долгое время основанием занятия той или иной должности была не компетентность, а родовитость каждого из них. В конце XV в. во властной элите России утвердилось местничество – порядок распределения служебных мест с учётом происхождения и служебного положения предков лица⁴. Это вело к злоупотреблениям властью, открытой коррупции, прямому грабежу населения и своеволию бояр в государственной политике. Боярские роды находились в постоянной оппозиции друг другу, их междоусобная борьба не только истощала их собственные силы, но и подрывала авторитет государства. А борьба непосредственно за влияние на царскую власть, которая усилилась в период малолетства Ивана IV, вела уже к ослаблению самодержавия. Естественно, что придя к власти, Иван IV стал бороться как с притязаниями бояр на власть, так и с самим принципом местничества, который затруднял приход к управлению компетентных и верных царю служилых людей. Поэтому он стал назначать людей на должность своими прямыми указами, а боярство подверглось жестоким репрессиям.

В третий период (XVII в.) установились уже принципиально новые отношения между царской властью и Боярской думой. В это время уже изменился состав самого боярства, значительное число боярских родов утратило, много бояр было истреблено, причём не только Иваном Грозным, но и Борисом Годуновым, а также в результате событий Смутного времени. Но главное – авторитет и боярства как сословия, и Боярской думы как властного института во многом было дискредитировано. Боярская дума теряет свой прежний вес и влияние, сопоставимое с царским⁵. Полномочия и компетенция царской власти и Боярской думы чётко разграничиваются, но при этом стали восприниматься как единое целое. Если ранее права Боярской думы никак законом не определялись, держались на обычном праве, то в XVII в. происходит нормативное закрепление её полномочий и процессуальные нормы функционирования⁶.

¹ См.: Государственная власть: теоретико-методологические и правовые аспекты... С. 285

² Следует всё же оговориться: русское боярство никогда не было полноценной аристократией именно в западноевропейском значении.

³ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 178.

⁴ Система местничества (явное заимствование из польско-литовского законодательства) была основана на критериях знатности происхождения; такая практика превращала боярство в замкнутую корпорацию, подменяла общесоциальные интересы сословными. В то же время местничество способствовало консолидации аристократии и превращению её в элиту общества. Местничество было явным тормозом государственного развития России, и было отменено только постановлением Земского Собора 1682 г., что объективно способствовало усилению позиций дворянства.

⁵ Тем не менее, именно конце XVI в. – начале XVII в. царями трижды становились бояре (Борис Годунов – в 1598 г., Василий Шуйский – в 1606 г., Михаил Романов – в 1613 г., при том, что Рюриковичем был только Шуйский), но тому способствовали чрезвычайные обстоятельства, и избрание на царство сопровождалось особыми правовыми процедурами.

⁶ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 184–185.

В царский период существовал ещё один властный институт – Земский собор, «орган, пришедший на смену вече, восприняв традиции участия общественных групп в решении правительственных вопросов»¹. Хотя генетически Земские соборы – наследники вече, но по своему составу они совершенно не похожи на вече. Это – некий расширенный вариант Боярской думы. В то же время Иван Грозный вкладывал в Земские соборы особый смысл, планировал создать орган, альтернативный Боярской думе, и тем самым ограничить претензии бояр на власть, с одной стороны, и получить видимость народного одобрения и народной поддержки, с другой стороны.

В 17 (27) февраля 1598 г. Земский собор избрал на царство Бориса Годунова, который уже 14 лет по сути дела управлял государством, пока на престоле был его зять Федор Иоаннович. Борис Годунов не был Рюриковичем, и потому в глазах как боярства, так и простого народа легитимным правителем считаться не мог². Стихийные бедствия, неурожай, голод и разруха, сопровождаемые боярскими заговорами и внешней агрессией, привели к падению династии Годуновых и начале Смуты³. В дальнейшем Земские соборы имели большое значение, когда способствовали возрождению и упрочению российской государственности после окончания Смуты, восстановлению нового облика русского самодержавия и избрания царя из новой династии, которая только косвенно была связана с Рюриковичами. Земские соборы стали властью представительным органом власти, который в определённое время дополнял и легитимизировал царскую власть и Боярскую думу. На нём обсуждались наиболее важные и актуальные вопросы государственного строительства⁴: вопросы войны и мира, проблемы внутреннего устройства, присоединения новых территорий (например, Украины); в 1649 г. на Земском соборе был принят важнейший документ эпохи – свод законов Русского государства «Соборное уложение 1649 года».

Последний Земский собор, на котором решался вопрос о вечном мире с Речью Посполитой состоялся в 1684 г. После этого земские соборы больше не собирались, что стало неизбежным результатом проводимых Петром I реформ всего общественного устройства России и укрепления абсолютизма.

Императорский период характеризовался становлением новых властных парадигм. Следует отметить, что формирование российского абсолютизма не было одномоментным, что практически все цари старались укреплять самодержавную власть и концентрировать её в своих руках. Твердость власти Ивана IV Грозного в сравнении последующими правлениями и безвластием в период Смуты утвердило властные элиты в мысли, что удержать власть можно только жесткими методами. Если Михаил Романов не проявлял воли к власти, отдав все бразды правления родственникам и ближнему кругу бояр, то «тишайший» Алексей Михайлович и болезненный Фёдор III уже проявили властные амбиции и самостоятельного занимались государственным строительством, религиозной реформой, подавлением народных волнений, законодательным процессом, активной внешней политикой. И тот и другой сумели избавиться от чрезмерного влияния Боярской думы и ближайшего окружения. Уже со времени царствования Алексея Михайловича создаётся реальная государственная бюрократия, но это уже была не сословная, а институциональная концентрация власти⁵. В царствование Алексея и Фёдора⁶ Романовых были заложены основы создания светской власти императорского типа. Значение Боярской думы и Земских соборов падает, происходит отмена местничества, цари начинают принимать самостоятельные и ответственные решения. Идеи обоснования новой конфигурации власти выстраивались различным образом и отражало борьбу противоборствующих сил на российском политическом поле.

Пётр I – единственный, кто реально смог решить вопросы, поставленные эпохой перед властью. Петровские реформы и петровская абсолютизация власти была предзадана предшествующими правлениями и всем ходом государственно-правового развития страны. К.Д. Кавелин пишет: «все его преобразования, не исключая ни одного, были постепенно подготовлены предшествующим временем и развитием: все вопросы решены им в том же духе, в каком они представлялись предшествующей историей, только решены резко, круто и быстро»⁷. Верховная власть при Петре I приобретает западноевропейскую конфигурацию и начинает основываться на западноевропейских правовых традициях того времени. Согласно таковым, верховная власть не только исходит от Бога, но и легитимизирована народным согласием, договором власти и народа. Пётр сумел почерпнуть на Западе ту практику властных установлений, которая была, по его мнению, наиболее приемлема для России. В своём строительстве он опирался на опыт различных западных стран, но полностью отказаться от российской традиции он не мог. Его власть в ещё большей степени превосходила власть западных монархов, и тому находились идеологические обоснования.

В России существовали две практики взаимодействия верховной власти с другими институтами государственной власти⁸. Первая состояла в том, что все ветви власти были едины, а верховная власть стояла над все-

¹ История государственного управления в России. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. С. 88.

² Впрочем, во время Смуты один из последних Рюриковичей, Василий IV Шуйский стал царём даже без избрания на Земском соборе, но его правление было крайне неудачным, для России принесло только новые бедствия, плохо закончилось и для самого Шуйского – он был низложен, насильственно пострижен в монахи и умер в польском плену.

³ В Средневековье смена династии всегда сопровождалась серьёзными внутренними междоусобицами. Примерно в это же время произошла смена династии и во Франции, но Генрих IV Наваррский (Бурбон) в тяжелейших условиях внутренней междоусобицы сумел удержать власть, а его потомки правили во Франции вплоть до XIX в., в Испании и Люксембурге и в наши дни на престолах находятся представители различных ветвей этой династии.

⁴ См.: Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. С. 67–68.

⁵ См.: Андреев Д.А., Бордогов Г.А. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. М.: АИРО-XX; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 57.

⁶ Фёдор III, Фёдор Алексеевич Романов (1661–1682) – «забытый царь». В истории России всегда находился в «тени» своих более известных и ярких сестры и брата – правительницы Софьи и императора Петра I. Правил с 1676 г., был болезненным и физически слабым. Тем не менее, отличался высочайшей образованностью, знал несколько языков. Именно при нём было отменено местничество, запрещено уподобление царя Богу, заложены основы Славяно-греко-латинской академии, страна начала приобретать европейский облик. Политическая, военная, дипломатическая и социально-экономическая и даже гуманитарная деятельность царя была вполне успешной, практически все петровские реформы были начаты при Фёдоре III.

⁷ Кавелин К.Д. Краткий взгляд на русскую историю // Наш умственный строй. М.: Правда, 1989. С. 164.

⁸ При этом следует заметить, что представления о каком-либо разделении властей, придании реального значения судебной ветви власти, создании законодательно-представительного органа речи не было.

ми, как бы не влияя на деятельность ветвей власти, но вмешиваясь в сложных и спорных ситуациях, выступая в роли верховного арбитра и осуществляя функцию «непосредственного волеизъявления, установленную в общих своих чертах в основных законах и неограниченную в этой сфере применения»¹. Вторая практика была связана с «замещением» верховных властей. Боярская дума замещала царя случае его временного отсутствия. Также и Сенат был учреждён Петром I взамен Боярской думы, дабы замещать монарха в его отсутствие. Однако после цепи трансформаций Сенат превратился в конце XIX в. в высшую судебную инстанцию.

При Петре I рыхлые приказы, функции которых были плохо обозначены и часто пересекались, были заменены коллегиями, которые в 1802 г. преобразовались в министерства. Многие институты государственной власти дожили до крушения империи и октябрьского переворота. Россия по контуру организации верховной и исполнительной власти стала почти европейской державой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Д.А., Бордюгов Г.А. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. М.: АИРО-XX; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.
2. Валова М.Д. Российская государственность: опыт возрождения и Дом Романовых // Пространство и Время. 2013. № 4(14). С. 146–151.
3. Васильев Л.С. История Востока: В 2 т. Т. 1. М.: Высшая школа, 1994.
4. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.
5. Геллер М.Я. История Российской империи: В 3 т. Т. 3. М.: МИК, 1997.
6. Горский А.А. Древнерусская дружина. М.: Прометей, МГПИ им. В.И. Ленина, 1989.
7. Государственная власть: теоретико-методологические и правокультурные аспекты: монография. М.: Юрлитинформ, 2012.
8. Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: Мысль, 1989.
9. Д. Ч. Историческое обозрение актов и судебных бумаг в России // Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при Императорском Московском Университете. Т. 5. Вып. 1. М., 1830. С. 269–296.
10. Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М.: Изд-во «Москва», 2002.
11. История государственного управления в России. М.: Юнити-Дана, 2007.
12. Кавелин К.Д. Краткий взгляд на русскую историю // Наш удивительный строй. М.: Правда, 1989.
13. Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. М.: Высшая школа, 2004.
14. Ключевский В.О. Курс русской истории // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987.
15. Крадин Н.Н. Политическая антропология. М.: Ладомир, 2001.
16. Любашин В.Я. Эволюция государства как института политической системы. Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2004.
17. Милов Л. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 76–87.
18. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. М.: Зерцало, 2003.
19. Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 257–487.
20. Петров И.В. Государство и право Древней Руси. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2003.
21. Пузанов В.В. Народ и власть в городах-государствах Древней Руси // История России: Народ и власть. Изд. 2-е. СПб.: Лексикон, 2001.
22. Пушкин Г.С. Обзор русской истории. М.: Дрофа, 1991.
23. Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1976.
24. Розов Н.С. Философия и теория истории. М.: Логос, 2002.
25. Самоквасов Д.Я. Заметки по истории русского государственного устройства и управления. СПб.: Печатня В.И. Головина, 1870.
26. Соловьёв Б.И. Русское дворянство. СПб.: Полигон, 2003.
27. Толочко П.П. Власть в Древней Руси. X–XIII вв. СПб.: Алетейя, 2011.
28. Фроянов И.Ф. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1980.
29. Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978.
30. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2009.
31. Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М. – Л.: Из-во АН СССР, 1939.
32. Янов А. Россия против России // Знание – сила. 2005. № 11. С. 40–47.
33. Cherniavsky M. "Khan or Basileus: An Aspect of Russian Mediaeval Political Theory." *Journal of the History of Ideas* 20 (1959): 459–476.
34. Korpela J. *Prince, Saint, and Apostle: Prince Vladimir Svjatoslavic of Kiev, His Posthumous Life, and the Religious Legitimization of the Russian Great Power*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 2001.
35. Shlapentokh V. "Russia as a Medieval State." *Washington Quarterly* 19.1 (1996): 395–412.
36. Stolberg E.-M. "Russia and the Mongol Yoke. The History of the Russian Principalities and the Golden Horde, 1221–1502. By Leo de Hartog. London and New York: British Academic Press, IB Tauris Publishers, 1997. 211 pp.£ 29.95." *Journal of Asian Studies* 57.01 (1998): 219–221.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Сигалов, К. Е. Генезис социально-властных институтов в России в допетровскую эпоху / К.Е. Сигалов // Пространство и Время. — 2014. — № 3(17). — С. 175—188. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271prov_st3-17.2014.71

¹ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М.: Изд-во «Москва», 2002. С. 305.